

Когда они вернулись с обеда, первое, что заметил Нобуру, это маленькая Хьюга, одиноко сидевшая в своём углу в задней части комнаты и сосредоточенно что-то писавшая в блокноте, нахмутив брови. Что она могла писать? Она не отвлекалась от своего занятия, пока все её одноклассники не вернулись на свои места. И только тогда отложила тетрадь. Странно. Как только они сели за стол, по комнате пронеслось нечто, похожее на ветерок. Нобуру сначала не придавал этому значения, списав на открытое окно. Икеда-сенсей ухмылялся чему-то в глубине класса, когда комната вдруг погрузилась в темноту.— А! Аканэ! Сэнсэй!? — закричал он в тревоге. Ничего не было видно, комната оказалась абсолютно темной. Он даже не мог разглядеть собственные руки, смотря вниз и по сторонам. Что это было? Должно быть, гендзюцу. Икеда-сенсей была его преподавателем на протяжении всего времени обучения в академии, и он не сомневался, что она может устроить нечто подобное; была известна как один из самых экстремальных учителей на кампусе. Она относилась к тем, кто показывает, а не рассказывает, как его отец. Он снова закричал, но его остановила боль, отозвавшаяся в голове. Нобуру вскрикнул от страха и зажмурил глаза. Когда он их открыл, картина изменилась. Перед ним уже не было крошечной тьмы, а стояло знакомое здание на хорошо знакомой улице — магазин его отца. Ему казалось это нереальным, когда он подходил к нему, хотя часть сознания понимала, что это всего лишь последствия гендзюцу. Он чувствовал запах кузнечного горна, когда приближался, и слышал знакомый глубокий баритон своего отца. Он ненавидел это место. Деревянная ручка была горячей на ощупь, и он вскрикнул, попятившись назад. Что происходит? Что задумал Икеда-сенсей? Из-под двери поднимался розовато-серый дым, и сердце Нобуру замирало от страха.— Отец! Кенджи! Вы здесь? — кричал он, стуча в дверь, которая оставалась неподвижной, как бы он ни старался. Вдруг раздались крики. Они доносились со всех сторон, казалось, от пола, на котором он стоял, и от стен магазина. У него не было ничего, что могло бы помочь открыть дверь, и, сколько бы он ни стучал и ни пытался тянуть, она не поддавалась. Дым становился всё гуще, и он был вынужден отступить, задыхаясь. Он закашлялся, и дым, казалось, обвился вокруг его ног, как будто кошка, требующая внимания. Магазин вспыхнул, дверь рассыпалась, и пламя лизнуло внешние стены, оживляя мир вокруг.— Отец! — закричал Нобуру, когда пламя охватило его пальцы ног. Крики из магазина были заглушены ревом огня, и мальчику оставалось лишь с ужасом наблюдать, как огонь полностью поглощает здание, скрывая его в дыму и огне. Он беспомощно сидел и смотрел, как здание рушится. И он закричал. Сцена повторялась снова и снова. Мальчик вновь и вновь наблюдал за собой, за своим эхом, тщетно бегущим к двери, пытающимся открыть её, чтобы хоть как-то спасти людей внутри. Он видел, как сам терпит неудачу, снова и снова, не замечая, как на щеках у него появляются слёзы. Он вновь и вновь звал отца и брата, но в ответ ему отвечало лишь пламя, безжалостно и снова и снова. Он не знал, сколько раз ему пришлось наблюдать за тем, как он рвётся к зданию, а огонь и дым возвращают его назад. Он стал молчаливым свидетелем своей неудачи, пока наконец не перестал смотреть. Но это не прекращалось. Почему его ноги не могут двигаться? Почему бы этому не прекратиться? Он видел достаточно! — Ты не сможешь спасти её, Нобуру, — прорвался сквозь дым знакомый голос, и он поднял голову. — Аканэ! Перед ним стояла не та девушка, которую он знал долгие годы. Вместо этого над ним возвышалась теневая фигура, сливавшаяся с дымящимся зданием позади них.— Ты должен просто сдаться, — произнёс он. Его слова захлебнулись. — Ты не настоящий! Это всё не по-настоящему! — закричал мальчик, отворачивая голову. Дымные щупальца обвили его плечи и шею в теплых объятиях. Он задыхался. Из дыма появилось лицо Аканэ, её мягкие красные глаза смотрели на него.— Сдавайся, Нобуру. Он не мог дышать. Всё было слишком реально: тёплый дым вокруг его лица и её глаза. Глаза Аканэ казались слишком реальными, они смотрели на него с жалостью.— Просто сдайся. Он почувствовал, как падает. Остались только дым и её красные глаза, тепло огня, ласкающего его руки, пока он всё глубже погружался в иллюзию. Затем что-то изменилось; неуловимо, но настойчиво, на краю его сознания. Где-то в подсознании раздался тихий, но ровный звук капающей воды, хотя пламя вокруг него гремело всё громче. Дым разрастался, пока его не

охватила приливная волна, захлестнувшая его до тех пор, пока он не проснулся. Придя в себя, Нобуру захрипел и закашлялся, рухнув на свой стол. Он сосредоточился на деревянной поверхности, прижатой к его лицу, пытаясь перевести дыхание. Всё это было гендзюцу? Его пробрала дрожь: он всё ещё чувствовал запах дыма. Приведя себя в порядок, он лишь смутно осознал, что на его спине лежат маленькие ручки. — Теперь, когда мы покончили с этим актом альтруизма, если Дзюнко-тян вернётся на своё место, мы можем начать урок, — голос Икеды-сенсей нарушил тишину, и крошечные ручки исчезли. Он успел мельком увидеть её белые глаза медового цвета, прежде чем маленькая Хьюга удалилась. Когда она успела переместиться? Аканэ тяжело дышала рядом с ним, наблюдая за тем, как девочка возвращается в свой угол в конце комнаты, устало потирая глаза. Остаток урока прошёл в изучении эффектов гендзюцу, но мальчик не мог сосредоточиться ни на чём, кроме того, что Дзюнко Хьюга помогла ему.

<http://tl.rulate.ru/book/114033/4335229>